

*Посвящается Ямине Кирки и Нине Делфс.
Спасибо за то, что вы такие
воистину невероятные.*

«Надеюсь, она вырастет дурочкой. В нашем мире для девушки самое лучшее — быть хорошенькой дурочкой».

Фрэнсис Скотт Фицджеральд,
«Великий Гэтсби».

Однако в этой истории она вовсе не дурочка.

Трейнер

- «A Little Party Never Killed Nobody» — Fergie
- «The Quiet Things That No One Ever Knows» — Brand New
- «Kill and Run» — Sia
- «Truly, Madly, Deeply» — Savage Garden
- «One Armed Scissor» — At The Drive-in
- «When You Were Young» — The Killers
- «Lullaby» — The Cure

Пролог

Когда-то давным-давно был на свете волшебный замок, в котором зачехло все, кроме души одного мальчишки.

Ему было шесть, когда девочка встретила его.

Она приехала со своей матерью, чтобы приготовить праздничный обед для его семьи. Девочка бродила по коридорам, скользя по мраморным полам его особняка в одних носках. Ей было пять — она слишком юна, чтобы по достоинству оценить величественные арки и внутренние дворики, полные роз. Она скользила туда-сюда, убивая время, пока не освободится мама, а за окном гремел гром.

Стояла одна из тех неумолимых и длинных зим, о которых бостонцы судачат еще много лет спустя. Темное небо колючими иглами обрушивало на замок потоки града, ледяной дождь грозно стучал по выпуклым окнам. Девочка, скользя по полу, добралась до одного из готических окон и прижала ладонь к холодному стеклу.

Она удивилась, увидев маленький темный силуэт, лежащий на шезлонге возле бассейна прямо под дождем. Мальчик. Он лежал совершенно неподвижно, не сопротивляясь обрушивавшемуся на него ливню. Безо всякого сопротивления принимал жесткие удары града по коже.

Перепугавшись, девочка принялась барабанить по стеклу. А вдруг он ранен? Потерял сознание? Умер? Понимала ли она, что означает смерть? Порой она слышала о ней, когда родители думали, что она их не слушает.

Девочка принялась стучать сильнее. Мальчик медленно, почти лениво повернул к ней голову, будто бы она была пустым местом.

Его серо-голубые глаза посмотрели в ее зеленые.

— Зайди в дом! — прокричала она, озираясь вокруг в поисках дверной ручки.

Мальчик помотал головой.

— Ну пожалуйста! — Девочка почти плакала.

— Меня отсылают прочь. — Она прочла по губам, но не могла его услышать. — Я уезжаю.

— Куда? Куда ты уезжаешь? — спросила она.

Но мальчик попросту отвернулся, подняв лицо к небу и принимая хлесткие удары града.

Она заметила, что его глаза были открыты. Проследила за его взглядом, устремленным в черную бархатную ночь. На небе не было луны. Как и солнца. Земля казалась ужасно одинокой, когда за ней не приглядывало ни одно из светил.

Девочка задумалась: что будет, если солнце поцелует луну?

Она даже не догадывалась, что однажды найдет ответ на этот вопрос.

И что даст ей его именно этот одинокий мальчик.

Первая

Хантер

Настоящее время

— Пора просыпаться, членистоногое, — объявил мой друг, он же ангел на моем плече, Найт Коул.

Носок его кроссовки от Margiela¹ ткнул меня в спину.

Судя по твердой поверхности под ноющими мышцами, я сообразил, что снова вырубился на полу. А по неприятному ощущению в паху вкупе с легким ветерком, пробежавшим по моему аккуратно подстриженному лобку, понял, что прошлой ночью совал член в отверстия, в которые его совать не следовало, и к тому же был абсолютно голым.

¹ Французский модный дом одежды, ароматов и аксессуаров; производят одежду по индивидуальным запросам и массовые коллекции.

Я застонал, зажмурился и, перевернувшись, оказался на чужом теплом, обнаженном теле. Сиськи. Я нащупал сиськи. Симпатичные, пышные и натуральные. Не открывая глаз, я взял сосок в рот и принялся лениво его посасывать.

— Тебе кофе к молоку подать? — вслух поинтересовался Найт.

Я провел ладонью по животу девчонки, спускаясь к ее заветному местечку. Она была возбуждена и выгибала спину, а ее бедра подрагивали от желания. Я принялся потирать набухший клитор, подготавливая ее. Член быстро дошел до полувозбужденного состояния, и как раз в этот момент еще одно тело прижалось ко мне сзади.

Джекпот.

— Пить кофе с молоком — все равно что отлизывать женщине с презервативом на языке. Итальянцы изгнали бы тебя из страны и за меньшее прегрешение, — пробормотал я, не открывая глаз и не отрывая губ от кожи девушки.

— Спасибо за красочный образ, — язвительно заметил Вон Спенсер, другой мой хороший друг.

— Не обращай на меня внимания, старина. — Свободной рукой я нащупал лежащее позади меня тело и закинул ногу второй девушки себе на талию.

«Где мои презервативы?» И почему Найт с Вонном предлагают мне кофе и поболтать, а не резинку? Их надо уволить и заменить теми, кто и впрямь помогал бы мне набирать очки. Впрочем, не могу сказать, что у меня были какие-то сложности в этом вопросе.

— Только презик подкиньте перед уходом, ладно?

— Дай своему члену передохнуть и проснись уже, мать твою. — Грязный ботинок уперся мне в висок, угрожая разmozжить череп.

Вон, он же дьявол на моем плече.

На чем угодно плече, если честно.

С этим убудком у меня были отношения, построенные на любви и ненависти.

На любви — потому что он, в конце концов, был одним из моих лучших друзей.

А на ненависти — потому что, несмотря на вышеупомянутый статус, он был козлиной колоссальных масштабов.

Я открыл глаза. Остальные части тела подали мозгу сигнал о том, что эта оргия может временно закончиться. Песок и грязь с ботинка Вона покрыли мой висок. Я почувствовал, как раздуваются ноздри и учащается пульс.

Девушка, лежащая передо мной, Элис, сонно улыбнулась мне, выгнув спину и вдохновенно прижимаясь грудью к моей груди. Черт. Я все еще ласкал ее пальцами. Было сложно устоять, когда она издавала такие восхитительные звуки. Я неохотно убрал руку от ее промежности. У девушки, притулившейся позади меня, хотя бы хватило совести перестать тереться о мою ногу словно морская свинка, которая только что обнаружила свои гениталии.

— Убери свой поганый ботинок от моего лица, — процедил я сквозь зубы, — пока я не сломал тебе хребет и не намотал его себе на шею вместо шарфа.

Мы с Воном оба знали, что это была пустая угроза. Мои ухоженные руки не были склонны к насилию. На самом деле я бы и муравья не смог прихлопнуть, даже если бы он перебил всех моих ближайших родственников. То есть я бы, конечно, разозлился. Впал в ярость. И непременно подал бы иск за причинение морального вреда. Но пачкать свои руки? Нет уж.

Однако меня останавливал вовсе не страх перед дракой, а самая настоящая лень, сопутствовавшая моему аристократическому воспитанию. Как сыну Джеральда Фитцпатрика, владельца и генерального директора крупнейшей в штатах нефтегазовой компании «Королевские трубопроводы», мне крайне редко приходилось самостоятельно решать свои проблемы. Семья Фитцпатрик была четвертой богатейшей семьей во всех штатах, а потому я вырос ленивым, самовлюбленным говнюком.

— Ты и еще один чмошник вчера поимели пятерых девиц. — Вон так и не убрал ботинок с моего виска.

Вероятно, этот акт насилия оказался для него самым ярким событием недели. Почему он не мог находить простые радости в женщинах, выпивке и дорогих шмотках от стареющих рэперов, было за гранью моего понимания. Казалось, он всегда все чертовски усложнял.

— Правда? — Я поднял брови, преисполнившись искреннего удивления и гордости. — Представители Книги рекордов Гиннеса уже едут? А настоящий «Гиннесс»¹ они прихватят? Я предпочитаю «Стаут» гораздо больше, чем «Лагер».

¹ Одна из самых известных ирландских марок пива.

— Размозжи ему башку. Он заслужил, — простонал Найт у меня над головой.

Смешно слышать это от него. В прошлом он бухал так много, что мог бы потягаться с лордом Байроном и Бенджамином Франклином в баре формата «пей, сколько хочешь» на Самуи. А теперь, когда у него появилась девушка, я опасался, что, если она когда-нибудь от него забеременеет, родит бутылку текилы и пару билетов на Коачеллу¹.

— А еще я отзываюсь на «Боже» и «Черт, Хантер, у тебя такой большой», — пробормотал я, на миг подумав о том, чтобы вздремнуть под ботинком Вона.

А что, все равно он не давил всерьез.

Обе девушки отлипли от меня. Теперь они слегка шумели, подбирая свои вещи и одеваясь. А я огляделся вокруг впервые с того момента, как продрал глаза. Судя по плюшевой кремовой обивке, свисающим люстрам и лампам из латуни по восемь кусков за штуку, я был в гостиной Вона.

Ковер был липким, а шторы порваны. Папочка и мамочка Спенсеры будут рады избавиться от своего придурковатого отпрыска, который скоро улетит в Англию на стажировку.

— Ты охрененно облажался. — Найт вытащил меня из-под ботинка Вона, швырнул на диван и накинул одеяло на мой теперь уже впечатляющий, неистовый стояк.

¹Трехдневный музыкальный фестиваль, проводимый компанией Goldenvoice в городе Индио, штат Калифорния.

Он говорил, не глядя на меня, будто я виноват в том, что мне повезло быть обладателем тела, пригодного для постоянной наготы, и двадцатисантиметрового члена.

— Я услышал только что-то про «хрен» и определенно готов пустить свой в дело. — Я повозил рукой по столу возле дивана, нащупал пачку чьих-то сигарет с зажигалкой и закурил, выпуская дым в потолок. Курил я редко, но не мог упустить возможность сойти за говнюка, когда она вдруг представлялась. — Зачем вы обламываете мне кайф? — Я прищурился, указывая сигаретой то на Вона, то на Найта, которые стояли передо мной, уперев руки в бедра, все из себя зрелые и все такое.

— Произошла утечка. — Похожие на ледышки глаза Вона недовольно сузились.

Я отмахнулся от него сигаретой.

— Да это все естественные выделения, которые подсказывают, что тело женщины готово к совокуплению. Ты бы знал об этом, если бы трахал живых женщин. Это все из-за ковров твоих родителей? Тогда пришло Силли счет.

Силли — Сильвестр Льюис — был правой рукой моего отца и главным операционным директором в Бостоне. Он постоянно меня вырубал. Его работа, помимо всего прочего, заключалась в том, чтобы сохранить мне жизнь и оградить от неприятностей, а потому он, по сути, был обречен на провал. Я нечасто ему звонил, но когда все же делал это, то только потому, что меня нужно было вытащить из какой-то мерзости, в которую я сам же вляпался.

Родители терпеть не могли, когда я выставлял их в дурном свете в прессе.

Так что Силли помогал мне оплачивать штрафы, избегать ответственности за вождение в нетрезвом виде и однажды даже втихаря уладил одну мою крайне неприятную ситуацию с лобковыми вшами.

— Утечка в социальных сетях, кретин, — пояснил Найт и, наклонившись, отвесил мне подзатыльник.

Быть серьезными и беспокоиться — не в стиле моих друзей. Я сел прямо и, плотнее обернув одеяло вокруг узкой поясицы, задумчиво подпер подбородок рукой.

— Слушаю.

(Я не слушал. А думал о том, кого хотел трахнуть сегодня вечером.) Возможно, Арабеллу.

Нет, точно Арабеллу. Она самая сексуальная телка в городе, которая была все еще свободна.

— Вкратце. — Найт разок хлопнул в ладоши. — Вчера после вечеринки по случаю стажировки Вона мы вернулись сюда, чтобы потусоваться. Ты устроил оргию с пятью девчонками на первом этаже. В какой-то момент пристроился еще какой-то парень (такой вот каламбур), но по большей части имел всех ты. Дело было не в медиазале, поэтому телефоны ни у кого не отбирали. Мы с Воном были наверху и не смогли спасти тебя от твоего слабоумия. — Он повернулся к Вону и, дернув подбородком, велел ему закончить рассказ.

Вон скрестил руки на груди и подхватил с того же места.

— Дабы завершить эту длинную, убийственно мерзкую историю в двух словах: около десятка человек сняли все это на свои телефоны. Некоторые

выложили видео на ютьюб, кто-то — в твиттер¹, кто-то — в снэпчат. Насколько нам известно, потом оттуда все удалили. Но вот те, что оказались на порносайтах? Они до сих пор в открытом доступе. И, скажем так, все свои недостающие академические достижения ты вполне покрываешь в качестве актера фильмов для взрослых.

Как только Вон договорил, Найт передал мне свой телефон, в котором было открыто упомянутое видео. (Почему люди называют их лентами? Прямо как в гребаных восьмидесятых.) Я нажал на значок воспроизведения. Как ни странно, оно было загружено на самый популярный в сети сайт. К тому же он был бесплатным, что, как я где-то слышал, очень любили представители среднего класса.

Видео уже набрало больше миллиона просмотров и восемьдесят девять процентов по индексу удовлетворенности клиентов.

Вот тебе и на!

На видео стояли теги: #СтудВечеринка #Оргия #Горячиешлюхи #Черлидерши #Миллиардер #Анал #Орал #69 #Кремпай #Групповуха #ЛучшиеДрузьяХ.

А мне на ум пришла только одна мысль: *«Неужели я со всем этим управился за каких-то двадцать минут всего одним членом? Впечатляюще, черт возьми».*

Я совершенно серьезно. Ребята из Книги рекордов ко мне едут или как?

¹ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

Порнофильм назывался «Поло принц-миллиардер трахает пятерых цыпочек».

Про принца круто придумали. Было в этом что-то благородное. К поло я не питал особой страсти, но играл в него, чтобы угодить моему вечно недовольному отцу. Все остальное тоже звучало вполне убедительно, за исключением слов про студенческую вечеринку. А поскольку все мы были совершеннолетними (я знал всех девок на видео), подозревал, что удалить это будет сложно.

Я смотрел, как три недавние выпускницы старших классов, Элис, Стейси и София, захихикали в камеру и, виляя задом, с самодовольным видом направились ко мне на высоченных каблучках. Я сидел на диване, где мне отсасывала девушка по имени Кайли, пока вторая, Бьянка, ласкала мой сосок проколотым языком. На мне была растегнутая куртка-бомбер, надетая на голое тело, и джинсы, спущенные до голеней. Камера уменьшила масштаб съемки, и мы с чуваком, ведущим запись, взяли за дело. Он опустил камеру и снял, как трахает Кайли сзади, пока она отсасывает мне. Он кончил ей на поясницу, отступил назад и убрал свое полувозбужденное достоинство. Спустя пять минут акробатических выкрутасов мне каким-то образом удалось добраться руками, ртом и членом до всех пятерых девчонок разом.

Видео длилось почти двадцать минут и, по моему скромному мнению, было чертовски возбуждающим. Досмотрев, я поднял взгляд и вернул Найту телефон. Наступила тишина, друзья ждали, когда я переварю информацию, которую они вбили в мой страдающий от похмелья мозг.

— А кто тот второй чувак? — зевнул я.

— Брайан какой-то там. — Найт наморщил нос.

— Брэнсон, — закончил Вон.

— Брайан Брэнсон? — хлопнул глазами я. *Вот так неудачное имечко.* — Ух ты. Его родители ненавидят его больше, чем мои — меня.

— Только не после кучи порнографического дерьма, которую ты этим утром подкинул им на порог, — любезно отметил Найт.

До сегодняшнего дня я даже никогда не слышал о Брайане Брэнсоне, но сегодня занимался сексом с ним на пару. Хотя, полагаю, то же самое можно сказать о большинстве жителей Тодос-Сантоса. Я хлопнул себя по бедру, не сходя с намеченного плана.

— Ну так что, пойдем завтракать в Benny's или?..

— Ты идиот. — Найт, борясь с желанием зарядить в меня телефоном, сжал его так, что побелели костяшки пальцев. — У тебя большие неприятности. Стейси, Кайли и Бьянка выдвигают против тебя обвинения. Они уже в полицейском участке. Нам только что пришло сообщение.

Это объясняет, почему сегодня утром остались только Элис и София.

— За что? Не я же снимал все на камеру. Да и вообще, в этой ситуации я такая же жертва, как и они. — Я затушил недокуренную сигарету о пачку и продолжил, выдыхая дым: — К тому же едва ли они могут утверждать, будто все было не по обоюдному согласию. То есть... — Я махнул рукой на телефон Найта.

На видео Стейси позволила мне выйти из нее, снять презерватив и кончить ей на лицо. Она

слизывала горячую белую сперму со своей щеки и хихикала от восторга, пока Кайли так напористо сосала мой член, что чуть его не проглотила. Не говоря уже о Бьянке, которая активно скакала на мне верхом, как на батуте, в то время, как Кайли уселась мне на лицо.

— Ты тупой, как булыжник, и, к сожалению, вызываешь примерно столько же симпатии, — серьезно сообщил Вон и отвернулся, переворачивая все вокруг в поисках чего-то. — Ты наследник многомиллионной компании. Им не нужна причина, чтобы подать на тебя в суд. Чихнешь на них — скажут, что ты заразил их свиным гриппом. Обнимешь — заявят, что ты сломал им кости. А если ты их трахнешь... — Вон замолчал, найдя то, что искал (мои джинсы), на одной из ламп, и бросил мне.

Я поймал их налету.

— Одевайся. Мне придется заново обставить весь чертов дом, после твоего вчерашнего торжества венерических заболеваний. Нужно помыть стены с хлоркой.

— А мне глаза, — добавил Найт.

— А мне стереть память, как в «Людах в черном», — парировал Вон.

Найт взял воображаемый пулыг и щелкнул им, направив на Вона.

— А ты теперь безвылазно отсиживайся в формате «Один дома», чтобы не влезть в очередную публичную оргию, — предложил Найт.

Язвительно хохотнув, я сунул ноги в штанины джинсов. Я до сих пор не до конца понимал, что происходит. Ожидал, что, как и во всех прочих си-

туациях, меня вытащит Силли. А если не он, то мои тетя с дядей — Джин и Майкл Брэди. (Да, они были семейкой Брэди¹, и да, я считал это бесконечно забавным, поскольку родители отправили меня к ним в надежде, что те сумеют привить мне манеры и нормы поведения высших слоев общества, с чем не справились частные школы, в которые они меня пристраивали.)

Суть в том, что кто-то всегда вытаскивал меня из неприятностей, и этим кем-то неизменно был не я. Самостоятельно выпутываться из передраг казалось мне утомительным занятием, и я уж молчу о потенциальной бумажной волоките.

Однако урок усвоен. С этого момента я буду внимательнее относиться к тому, где устраиваю свои оргии. Нельзя быть настолько безрассудным. Пора стать более осторожным. И раз уж я заговорил об этом, возможно, стоит ограничиться тремя девками зараз.

Я встал, застегивая кожаный ремень с шипами от Louboutin, и повернулся к Найту.

— Ладно. Теперь я готов выпить кофе.

Найт отвесил мне затрещину. Снова.

— Ты не въезжаешь, что ли? — Он нахмурил брови. — Скажи, кому позвонить. Ты знаешь имя своего адвоката?

— Черт возьми, сынок. Ты чего такой серьезный? Тебе нужно глотнуть «грязного спрайта».

¹ Отсылка к американскому комедийному телесериалу, который транслировался с 1969 по 1974 год и рассказывал об овдовевшем отце с тремя сыновьями, который женится на вдове с тремя дочерьми.

Так же известного как успокоительное и обезболивающее. А также как найтовский аналог воды до того, как он завязал. Я понимал, что поступаю как ублюдок, упоминая о его проблеме со злоупотреблением запрещенными веществами, но он пропустил это мимо ушей. К тому же теперь он взял себя в руки. У них с Воном была возможность изучать то, что они хотели, и выбирать, чем желали заниматься в жизни. А я поеду обратно в Бостон, чтобы учиться в Гарварде и получать специальность в бизнесе, экономике и всем прочем, что вызывает у человека желание броситься с небоскреба. Не спрашивайте, как я попал в Гарвард. Па, наверное, пожертвовал ради этого такую сумму, какой хватит, чтобы еще десяток лет кормить весь штат Массачусетс. Я бы не доверил себе даже написание списка покупок, не говоря уже об эссе.

А еще я с большим нетерпением ждал принудительной летней стажировки в «Королевских трубопроводах».

— Твоему отцу? Матери? Брату? Сестре? Кому мне позвонить? Может, Брэди? — Найт помахал рукой перед моим лицом.

Я собрался ответить, как вдруг раздался стук в дверь. Вон пошел открывать. Мгновение спустя в комнату вошли полицейские. Клянусь, один из них даже поиграл мускулами. Они здорово кайфовали, упиваясь своей властью. Самый коренастый из них, который лицом напоминал мне страдающего запором бабуина с коротко стриженными рыжими волосами, уведомил меня о моих правах, схватил за руки и надел наручники.

— Хантер Эрнест Винсент Фитцпатрик, вы арестованы по обвинению в сексуальном домогательстве, изнасиловании несовершеннолетней и воспрепятствовании правосудию. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право связаться с адвокатом, а также на его присутствие во время допроса. Если вы не можете позволить себе услуги адвоката... — Полицейский замолчал и издал комичный смешок. Остальные трое разразились истерическим смехом.

Да, да, я при деньгах. Обхохочешься.

— Если... если... — Он попытался снова, но запрокинул голову и так весело рассмеялся, что можно было подумать, будто это он в них купался. — Если вы не можете позволить себе услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством, — наконец закончил коп и вытер счастливую слезу, выступившую в уголке глаза.

Я уставился на него, стиснув челюсти и чувствуя, как впервые с того момента, как проснулся, в моих венах начинает вскипать гнев. Я не насиловал и не домогался этих девушек. Да вообще никаких девушек. Это подстава.

Офицер сунул руку в карман, достал оттуда пятидесятидолларовую купюру и шлепнул ее в раскрытую ладонь стоящего рядом с ним копа.

— Блин, я и впрямь не смог сказать это с серьезным лицом, Мо.

Они делали ставки на моем аресте. Мило. Холодные наручники крепко сжимали мои запястья

и слишком сильно впивались в кожу. Мне явно не грозило сбежать или наброситься на женщину-копа, стоявшую среди них во всей своей лысеющей, покрытой шрамами от прыщей и лишенной трех зубов красе.

Найт с Воном подошли ко мне.

— Эй, придурки, вы не могли бы не подтвердить своим примером все предрассудки о жестокости полицейских? — спросил Вон. — А что до тебя... — Он дернул подбородком в мою сторону. — Я звоню своему отцу. Он сейчас с матерью в Вирджинии, но прилетит, если нужно.

— Кому мне позвонить, приятель? — снова спросил Найт. — Скажи мне.

Разумеется, ответ был таков: Джин или Майклу. Теперь они были больше похожи на моих родителей, чем те, кто отправил меня в Бостон, едва я вырос из подгузников. Офицеры принялись подталкивать меня к двери.

Вон пошел за нами и шикнул мне:

— Ничего им не говори, слышишь меня?

Я кивнул.

— Скажи Найту, чтобы не звонил моему отцу.

— Что?

Меня толкнули спиной к полицейской машине.

— Только не па! — сумел прокричать я, а потом меня пихнули на заднее сиденье головой вперед. — Кому угодно, только не отцу!

Найт показал мне два выставленных вверх больших пальца и закивал с порога.

— Без проблем, чувак. Позвоню твоему отцу!

— Я сказал не звонить моему отцу! — завопил я, когда задняя дверь полицейской машины захлопнулась перед моим лицом.

Найт меня не услышал.

Черт.

— Больше всего меня беспокоило обвинение в изнасиловании несовершеннолетней, но оказалось, что все это вранье. Все шестеро из вас старше восемнадцати. Полицейским даже не хватило ума проверить удостоверения личности, когда они принимали заявление, а значит, им придется снять это обвинение, и к тому же мы сможем устроить ребятам в синем нагоняй — это хороший способ устранения ущерба.

Барон «Вишес» Спенсер, отец Вона, сидел напротив меня на душном чердаке дома моих дяди и тети и листал толстые страницы моего дела. Я был вынужден скрючиться, как Арнольд Шварценеггер в кукольном домике, чтобы уместиться со своим ростом.

Прошли сутки с моего ареста, а мне еще только предстояло принять душ, сходить в туалет и подрочить, чтобы расслабиться. По профессии Барон был юристом, но не занимался уголовным правом. Тем не менее, как я понял, порой он помогал родственникам и близким друзьям с юридической хренотенью. А еще, насколько мне известно, он брал по пять тысяч долларов в час, чтобы оправдывать свою репутацию величайшей в мире сволочи. Деньги были нужны ему не больше, чем

Кайли Дженнер очередное увеличение губ. Первым делом он заявил, что возьмет с меня по завышенной цене.

«Просто чтобы ты почувствовал, каково это, когда тебя поймали. Невозможно прожить всю жизнь, только имея других», — прямо пояснил он, когда час назад вошел в дом после того, как Джин и Майкл вызволили меня из тюрьмы под залог.

Я отпил пива из бутылки, потянув за кожаный шнурок на шее с деревянной лошадкой Дала¹.

— А что насчет других обвинений?

— Продавить обвинение в сексуальном домогательстве будет непросто, учитывая, что девушки, судя по всему, были в здравом уме и активно участвовали в процессе. Обвинение в воспрепятствовании правосудию связано с тем, что мистер Коул отобрал у Бьянки телефон. По словам мисс Эванс, такое распоряжение отдал ты. К счастью для тебя, к тому времени, когда она вошла в медиазал и стала веселиться с остальными студентами, у которых тоже отобрали телефоны, твой член уже был мягче зефира, а сам ты еще долго в беспомощности валялся на полу после оргии. Есть несколько свидетелей, которые могут подтвердить это временное несоответствие. Иными словами, тебя спасло собственное невежество. — Он оторвал взгляд от кипы документов, и от его ледяных голубых глаз в помещении стало на десяток градусов холоднее.

¹ Стилизованная деревянная фигурка лошади, игрушка, которая является национальным символом Шведского королевства.

— Всегда рад быть неудачником. *Sláinte*¹. — Я взял тост и сделал еще глоток пива.

У Барона были такие же чернильно-черные волосы, как у его сына, те же ледяные глаза и та же жажда быть успешным, могущественным и трудолюбивым. Я задумался, каково было быть Спенсером — умелым, целеустремленным, мотивированным. Талантливым.

Пока мне не было присуще ни одно из этих качеств. Да, у меня были деньги — столько, сколько мне никогда не потратить, и соответствующая внешность. Но, за вычетом этих поверхностных качеств, я ничего собой не представлял. Пустышка. Отец предупреждал, что не за горами тот день, когда люди начнут упрекать меня в легкомыслии. Я ему верил.

Именно поэтому я боялся возвращаться в Бостон и начинать учебу в колледже — иными словами, возвращаться к своей семье. Но избежать этого было невозможно. «Королевские трубопроводы» передавались уже шестому поколению Фитцпатриков.

Стоит ли говорить, что ведение бизнеса интересовало меня не больше, чем участие в очередной публичной оргии с последующей недолгой отсидкой в тюремной камере. Но реальность такова: мой старший брат Киллиан должен занять пост генерального директора «Королевских трубопроводов», как только отец прикажет долго жить, а я — стать главным операционным директором.

¹ В переводе с гаэльского — «твое здоровье».

— Когда состоится судебное заседание? — Я вдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Никогда. — Барон закрыл мое дело и сцепил пальцы в замок над столом. — Судебный процесс был бы публичным, сумбурным, отнял бы массу времени и, что самое главное, наделал ненужной шумихи в прессе. Дамы — и я сейчас использую это слово с иронией, тоже не горят желанием излагать подробности массовой оргии перед судом. Для каждой из них я подготовил щедрое предложение для урегулирования вопроса. Они и их семьи согласны на сделку. Предложение включает компенсацию в виде чека на два миллиона долларов и полную стипендию в колледж. Твои отец и брат рады, что вопрос улажен.

Я ни на миг не допустил мысль о том, что желание моего отца пойти на сделку имеет какое-то отношение ко мне. Его беспокоили заголовки в прессе. А что касается Киллиана, то, будь его воля, меня бы посадили на поводок и заперли в подвале особняка моих родителей в поместье Эйвбери-корт.

Я откинулся на спинку стула, теребя в руке лощадку, висящую у меня на шее на удачу.

— Почему мы заключаем сделку? Я ни черта не сделал. Вы сами так сказали. У них нет никаких доказательств.

— Но тем не менее даже передача дела в суд запятнает и твою репутацию, и репутацию твоей семьи и здорово разозлит акционеров «Королевских трубопроводов».

— Значит, я должен уступить, потому что мой папочка заправляет большой конторой? — нахмурился я.

— Да, если вкратце.

Отвечая, Барон просматривал сообщения в телефоне, оставаясь совершенно безразличным к моему отказу.

— Если передадим дело суду присяжных, то еще неизвестно, как они себя поведут. По правде говоря, белый мужчина-миллиардер, оказавшийся в центре масштабного секс-скандала, не входит в число вызывающих наибольшее сочувствие существ, известных человечеству.

— Я их не насиловал, — негодовал я. — И даже не подкатывал к ним. Они сами ко мне пришли.

Барон встал и убрал документы в кожаный портфель. Похоже, его утомил этот разговор и злость его клиента.

— Лучше быть жуликом, чем дураком. Согласиться на сделку и заставить их подписать соглашение о неразглашении — умный ход. А когда снова почувствуешь, что твое драгоценное эго жаждет, чтобы его приласкали, зайди на тот порносайт и напomini себе, что для тех, кто в конечном итоге женится на этих девушках, ты всегда будешь парнем, который оттрахал их до полусмерти и при этом сумел заставить их кончить.

— Мне нужно выпить чего покрепче. — Я тряхнул головой.

— Тебе нужна хорошая порка.

Я вздохнул и снова поднес бутылку к губам.

— Черт, а вы правы. Развратный секс — то, что доктор прописал. Но на этот раз я удостоверюсь, что все происходит в закрытой спальне.

Барон окинул меня снисходительным хмурым взглядом и пошел к двери. Я понимал, что должен

КРАСАВИЦЫ БОСТОНА. ОХОТНИК

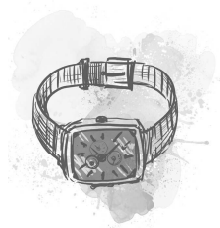
поблагодарить его за все, что он для меня сделал, но был не в настроении любезничать. Тем более что на чек, который ему выпишет па, он сможет купить себе еще одну яхту.

— О, и Хантер! — обратился Барон, стоя возле двери.

Я выглянул из-за стола.

— Да?

— Удачи на следующей встрече. Она тебе понадобится.

Вторая

Хантер

— Позорище! — рявкнул па, брызжа слюной на стоящий между нами стол.

Его бледное, по-ирландски усыпанное веснушками лицо побагровело, а сам он навис надо мной в том самом кабинете на чердаке, который несколько минут назад покинул Барон.

У семьи Брэди был дом, который Джеральд Фитцпатрик считал уютным и старомодным, если не сказать откровенно унылым. В Бостоне он снес целый квартал роскошных домов из песчаника в Бикон-Хилл и построил особняк, который скорее подходил для большой королевской семьи и всех, с кем они когда-либо обменивались приветствиями.

Поместье Эйвбери-корт могло похвастаться двадцатью спальнями, пятнадцатью ванными комнатами, крытым бассейном, теннисным кор-

том и подъездной дорожкой с подогревом — ведь почему бы не быть пафосным полудурком, если можешь себе это позволить?

С точки зрения архитектуры особняк был вдохновлен Мон-Сен-Мишель, замком, возвышающимся на острове во Франции, — с массивными арками, статуями и обширными пространствами. Честно говоря, я бы в любой день гребаного столетия предпочел старомодный городской дом Брэди этому устланному мрамором монстру богатых выскочек.

— Ты тупой, постыдный недоумок! Ты... ты... чертов... — Отец замолчал, крепко сжав руки в кулаки, чтобы подготовиться к последовавшему за этим громкому крику. — Сущее разочарование! — Он с силой толкнул стоящий между нами стол.

Тот с ужасающим стуком ударил меня по коленям. Я плотнее поджал губы, не обращая внимания на острую боль и сохраняя бесстрастное выражение лица.

Было чертовски заманчиво уйти в себя и вылезти, когда закончится его словесная порка, но я заставил себя поднять подбородок повыше и мужаться. Мои брат и сестра оба были совершенны в своей особой, сверхуспешной манере, а потому я становился излюбленным объектом недовольства моих родителей.

— Слава богу, ты не наплодил ублюдков. — Па возвел глаза к небу и перекрестился, будто Бог был в ответе за то, что я помешан на использовании презервативов. В последнее время мне уже ничто не вменялось в заслугу.

— Еще не вечер, — брякнул я.

Он бросил на меня недобрый взгляд и пригрозил своим коротким пальцем.

— Твои мимолетные шашни стоили мне шести миллионов долларов в виде взятки за молчание, может и больше, если остальные решат подхватить идею и подать иск. По-твоему, это смешно? С меня хватит. — Отец пригрозил небу кулаком, расхаживая взад-вперед по маленькой комнате. — Я правда хочу разорвать с тобой все связи. Но твоя мать, благослови ее господь, питает к тебе нежные чувства. Возможно, потому, что ты средний ребенок.

«А может, потому что сунула меня в школу-интернат в Англии, когда мне было шесть, а потом перебрасывала по всему свету, как только меня выгоняли, но никогда даже не задумывалась о том, чтобы воспитать меня самой?»

— Я же, однако, ясно вижу, каков ты на самом деле, и у меня для тебя есть новости. Возможно, ты и отправишься в колледж в Бостоне, но о Гарварде не может быть и речи. Будешь посещать вечерние занятия, как все простолюдины. И уж точно не станешь жить в моем доме. — Он ткнул себя пальцем в грудь для большей выразительности.

Ростом мой отец был почти сто восемьдесят шесть сантиметров, немногим ниже меня, и был сложен сплошь из округлой груди мяса. Годы потворства своим слабостям сделали его тело дряблым, а характер жестким. Ему на лоб упала седая прядь волос, но брови оставались темными и густыми.

Моя мать, напротив, была легкой и изящной, как по характеру, так и внешне.

— Вот, блин, жалость. — Я закатил глаза, раззадоривая его. Уши начали гореть, и меня это бесило. — Я слышал, что в Бостоне есть пара приличных квартир в аренду. Буду рад держаться от тебя подальше.

А что касается Гарварда, то я в любом случае сомневаюсь, что идиот вроде меня смог бы там продержаться. Я бы, наверное, даже нужные аудитории не смог найти, не говоря уже о том, чтобы понять лекции. Все к лучшему.

— А на какие деньги, скажи на милость, ты собрался их арендовать? — У отца на лбу выступила вена. Я практически видел, как она пульсирует под кожей. — Вынужден сообщить: точно не на мои.

Я молча уставился на него в нервном напряжении.

— Ты ни одного дела в жизни не завершил, Хантер.

Неправда. Я ежедневно завершал аналогии, банки пива и оргазмы. Но даже такой тупица, как я, знал, что не стоит говорить об этом вслух.

— Ты соберешь вещи и немедленно съедешь отсюда, — продолжил он, раздавая указания в безразличной, отработанной манере, которая подсказывала мне: он решил, как поступить со мной, прежде чем его частный самолет коснулся калифорнийской земли.

— Ладно, — усмехнулся я.

— На прощания с друзьями нет времени, — рявкнул он.

Я резко поднял голову. Популярность — дело одинокое, но мне в самом деле нравились мои здешние друзья.

— Мне потребуется всего час.

— Да хоть минуту, мне плевать. А потом, — продолжил он, а его голос рикошетом отлетал от стен, словно мультяшные пули, преследующие задницу злодея, — ты отсидишь шесть месяцев, чтобы доказать мне, что ты не просто ворох венерических заболеваний и дурных решений, коим я тебя считаю.

— Ты просишь меня лечь в реабилитационную клинику? — Я поперхнулся выпитым утром пивом.

— Нет. Я говорил с твоими дядей и тетей, и они не думают, что у тебя проблемы с алкоголем или наркотиками. У тебя проблемы с обязательствами и поисками смысла жизни. С тем, чтобы брать на себя ответственность.

Было любопытно послушать о моих проблемах от человека, который за последние полтора десятилетия видел меня по неделе дважды в год.

— И что же тогда? — неожиданно спросил я.

Была у меня одна игра, в которую я играл с самим собой, потому что был единственным постоянным спутником в собственной жизни. Я так часто менял места проживания и компании, что был вынужден найти что-то, что стало бы мне якорем. Игра состояла в том, чтобы каждый день выбирать песню, определявшую мое настроение. Сегодня это, несомненно, была «Gimme Shelter»¹ группы The Rolling Stones. Потому что, черт побери, мне бы сейчас не помешало укрытие.

¹ Название песни переводится как «Дай мне убежище».

— Ты будешь работать на меня, самостоятельно обеспечивать себя во время учебы в колледже и жить в квартире в Овальном Здании, где мои сотрудники смогут следить за твоим местонахождением и прогрессом.

Моей семье принадлежало Овальное Здание — небоскреб, который должен был выглядеть, как изысканный тубик помады, но на самом деле напоминал необрезанный возбужденный член.

Отец наклонился, прижав ладони к потрескавшейся дубовой столешнице, пытаясь поймать мой взгляд.

— А еще ты будешь трезв как стеклышко и практиковать воздержание, как монах.

И помирать со скуки. Нет уж, спасибо.

— На шесть месяцев? Да ты, наверное, шутишь. — Я встал, взмахнув руками.

Ударился головой о потолок. Но мне было наплевать. Он мог с тем же успехом меня убить. Что за жизнь без кисок и крепкой выпивки? Просто череда событий, в которых никто не хотел принимать участие, вот что.

— Это не обсуждается. — Отец попытался выпрямить спину и встать в полный рост, но ничего не вышло.

С каждой секундой в этой комнате с низким потолком становилось все жарче и теснее. У меня на висках выступили капельки пота. Я заметил, что и па в своем костюме вспотел, как свинья.

— Не бывать этому. — Я скрестил руки на груди.

— Тогда можешь попрощаться со своим наследством. — Он с беззаботной улыбкой достал

лист бумаги из нагрудного кармана и сунул мне в лицо.

— Я предвидел такую реакцию, и твоя мать — с учетом твоих интересов, разумеется — любезно позволила мне на законных основаниях исключить тебя из нашего завещания, раз уж ты не испытываешь особого желания участвовать в семейном бизнесе Фитцпатриков и уважать его ценности.

Я вырвал у него бумагу и развернул дрожащими руками. Ублюдок не морочил мне голову. На документе стояла печать юридической конторы, которая была у него на подхвате. В помятой бумаге, пускай пока не подписанной, отмечалось, что я не унаследую ни единого пенни из состояния Фитцпатриков, если это шестимесячное соглашение не будет исполнено к полному удовлетворению моего отца.

Я поднял взгляд, чувствуя, как в груди разливается нечто горячее и неприятное.

— Ты не можешь этого сделать, — процедил я.

— Что? Спасти тебя от себя самого? Именно это я и делаю, — заявил он, разведя руками. — согласишься на мои условия — и получишь половину моего королевства, Хантер. А продолжишь и дальше подводить меня, свою мать и самого себя, тогда тебе нет места в нашей семье.

Никогда и не было. Именно по этой причине деньги так много для меня значили. Я не хотел лишиться еще и их.

— Ладно, — сердито бросил я. — Как скажешь. Посади меня в свой членобразный дом. Я не буду влезать в неприятности, пить и трахаться на протяжении шести месяцев.

— Конечно, не будешь, — сказал отец, отобрал у меня бумагу и, аккуратно сложив, убрал обратно в нагрудный карман. — Потому что с тобой будет жить человек, который должен следить, чтобы ты был на пути исправления. И отчитываться за тебя.

Я запрокинул голову и горько рассмеялся.

— Я не стану жить в одной квартире с Киллианом. Он небось ежедневно устраивает сатанинские ритуалы с щенячьей кровью и слезами младенцев.

Мой старший брат был воплощением скотства. Ему было присуще лицемерное поведение исключительно одаренного типа, вынудившее меня бросить попытки стать кем-то, кроме как семейным шутом. Мои потуги нагнать его по многочисленным достижениям в учебе и карьере казались тщетными. Он был любимчиком, безумной надеждой, безжалостным императором, на которого все равнялись.

Па покачал головой.

— Брось, можно подумать, *mo órga* снизошел бы до того, чтобы жить с тобой под одной крышей. — *Mo órga* в буквальном переводе с гаэльского означало «золотой ребенок».

Как тонко, пап.

— Виноват.

Забыл, что после долгого дня ему нужно снять с себя костюм человека и расслабиться в одиночестве. Тогда кто же?

— Что ж, к этому человеку еще предстоит обратиться. Тебе придется убедить ее согласиться. Если она откажется — весь план рухнет. Но мы с твоей матерью нашли идеальную кандидатку.

Она. Он сказал: «она». Значит, это женщина. А еще это значит, что я смогу трахать ее у него за спиной. Неважно, сколько ей лет и как она выглядит — я на все согласен, если это значит, что смогу сунуть член куда-то, кроме как в собственный кулак.

— Кто это? — процедил я, понимая, что он наслаждается нашим диалогом и тем, что я оказался в его власти.

— Сейлор Бреннан.

Ага, проехали. Я не стану прикасаться к этому даже трехметровой палкой в презервативе.

Почему? Давайте прикинем.

1. Сейлор Бреннан — девочка-паинька. Честная, отличница, до скукоты порядочная девчонка.

2. Она пацанка и, вероятно, лесбиянка (не то чтобы меня это беспокоило), а еще лучница (а вот это меня и впрямь беспокоило, потому как означало, что она могла без особых усилий меня убить).

3. Она была дочерью Троя Бреннана, а Трой Бреннан — человек, чьим врагом не хотел становиться никто. Он был подручным бостонского преступного мира, парнем, которого высшее общество города нанимало выполнять грязную работу.

4. Во время редких встреч, которые бывали у меня с Сейлор, она казалась досадно невосприимчивой к моему обаянию (как я уже сказал, лесбиянка).

— Как-то это уже за гранью, тебе так не кажется? — Я изобразил скуку, хотя сам был готов сорваться в южное полушарие, чтобы избежать своего приговора.

— Лучше, чтобы план был за гранью, чем ты совал свой член туда, куда не следует, — парировал отец, вынул платок из переднего кармана и принялся вытирать им потные руки, сосредоточив все свое внимание на зеленой ткани.

— Полгода жить и играть в семью с незнакомкой — весьма неблагочестиво, па. Кто-то даже сказал бы: прямо как в Средневековье.

— Тебя только что застукали, пока ты занимался сексом с пятью девушками на антикварной итальянской мебели твоего друга, за которую мы, кстати, еще должны заплатить, что будет удержано из твоей зарплаты. Ты слишком далек от благочестия, чтобы беспокоиться о своей репутации.

— А что насчет репутации Сейлор?

— Ее нет — она чистый лист. И нет таких безумцев, которые стали бы дурно о ней отзываться, учитывая, кто ее отец.

Он отправляет меня жить с девушкой, чей отец — хладнокровный убийца. Меня. С моим мерзким ртом без словесного фильтра.

— С чего ты взял, что Сейлор на это согласится? — прищурился я.

Я встречался с Сейлор Бреннан раза три или четыре в жизни. Ее родители владели рестораном по всему Бостону. Мать была шеф-поваром и в прошлом несколько раз готовила для мероприятий, которые устраивала моя мама. Все это время Сейлор копалась в телефоне или с любопытством поглядывала на мою сестру (очередное доказательство теории о том, что она лесбиянка).

Я едва помню эту девицу. Зато хорошо помню ее волосы морковного цвета, которые на вид были

не мягче покрытых волдырями ступней, такое количество веснушек, что на лице не осталось живого места, и тело отощавшего пятилетнего мальчишки.

— У меня на то свои причины, но ее будет не просто убедить.

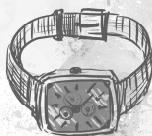
— И как ты себе это представляешь? Я подойду к ней и просто скажу: «Эй, давай съедемся?»

Я не хотел лишаться наследства из-за того, что мой член вел социальную жизнь целого семейства Кардашьян. Сожительство с зубрилкой и полгода воздержания меня не убьют.

Наверное.

Честно говоря, только время покажет.

— Делай все, что считаешь нужным, чтобы Сейлор согласилась, — пожал плечами отец. — Я подкину тебе крючок, но рыбачить будешь сам. Не Силли, которому я, кстати говоря, велел больше никогда не оказывать тебе помощь. Хватит валять дурака. Если хочешь чего-то — нужно к этому стремиться. Твоя задача — заставить Сейлор тебе помочь. Теперь ты сам по себе, Хантер. Если в ближайшие шесть месяцев ты не сумеешь доказать мне, что ты тот, кем должен быть, то останешься не у дел. А Сейлор как раз будет держать тебя в узде.

Третья

Сейлор

*«Милостивый Боже,
Я знаю, что время от времени говорю с тобой
и чаще всего прошу об одолжениях, но клянусь,
это в последний раз.*

...

*Ну ладно. Наверное, не в последний, но все же
выслушай меня, хорошо?*

*Прошу, подай мне знак, что мои мечты об
Олимпиаде не обернутся провалом.*

Пошли дождь.

Отправь голубя на меня нагадить.

Что угодно.

*Это единственное, что меня волнует. Един-
ственное, чего я по-настоящему хочу.*

*С уважением,
Сейлор Бреннан.*

(P.S. Я полностью отказалась от шоколада и соленых закусок на время Великого поста, так что, если ты проверишь меня и увидишь список грехов моей семьи, в особенности моих отца и брата, то помни, что со мной все в порядке, хорошо? P.P.S. За них я тоже молюсь».)

Я мысленно провела линию между собой и мишенью и прищурилась от палящего солнца, из-за которого на лбу уже выступила испарина. Тремя пальцами зажала стрелу с тетивой и подняла лук вровень с мишенью, держа сгиб локтя параллельно земле. Я почти чувствовала, как расширились зрачки, когда я сосредоточилась, а по позвоночнику прошла дрожь от возбуждения. Я выпустила стрелу и стала наблюдать, как она закрутилась в воздухе и пролетела всего в считанных миллиметрах от цели.

Я опустила лук и вытерла пот со лба.

— Сейлор! — резко окликнул мой тренер Джунсу. Он подошел из затененной зоны для посетителей стрельбища, сложив руки за спиной. — К тебе пришли.

Я сняла наручи и кожаный напальчник и бросила их в открытую спортивную сумку, что лежала позади меня.

— Пришли? — Прихватив бутылку воды с пластмассового стула, я принялась заливать в рот ее содержимое. — Кто мог ко мне прийти?

Вопрос не должен был прозвучать настолько плачевно. Ко мне много кто мог прийти. Например, родители. Мама часто оставляла мне еду на ресепшен, потому как знала, что я вечно за-

бываю поесть. Еще у меня были подружки, а именно: Персефона (Перси) и Эммабелль (Белль) Пенроуз. Они обе потратили немало времени, пытаясь вытащить меня на общественные мероприятия, которые мне совсем не хотелось посещать. Но все знали, что я не любила, когда ко мне приходили во время тренировок. Оставим без внимания тот факт, что тренировалась я постоянно.

— Мальчишка, — ответил Джунсу, скривив губы. Его слова, произнесенные с корейским акцентом и примесью неясного британского говора, прозвучали с укором. — Высокий светловолосый парень.

Джунсу был низкорослым и жилистым, и на вид ему было не больше тридцати, хотя, учитывая, что его лучшие годы на Олимпийских играх прошли три десятилетия назад, ему явно было под пятьдесят. У него были черные, как вороново крыло, волосы и загорелая кожа без единой морщинки. Он носил облегающую, простую одежду из дорогих тканей, которая всегда была тщательно отутюжена.

— Не понимаю, о чем ты. — Я потрянула головой, и моя грива, как у Мериды Данброх¹, разметалась вокруг лица.

Я подхватила спортивную сумку, закинула лук на плечо и пошла с уличного стрельбища в здание стрелкового клуба. Должно быть, Джунсу услышался. Наверное, этот парень искал кого-то другого.

¹ Главная героиня анимационного фильма «Храбрая сердце».

— Можно мне завтра прийти на полчаса пораньше, чтобы ты помог мне отладить лук? Думаю, мне нужна новая тетива.

Джунсу ответил мне кратким кивком, но выражение его лица по-прежнему было обеспокоенным.

— Мальчишка, — настаивал он, поглаживая подбородок, — он что, как тут у вас говорят...твой Бой. Френд?

Он намеренно сделал паузу между частями «бой» и «френд», прекрасно зная, каков ответ. Я откладывала учебу в колледже (да и жизнь в целом), чтобы полностью сосредоточиться на стрельбе из лука. А точнее, на Олимпийских играх, которые пройдут ровно через год. Вопрос с парнями в этом году был закрыт. Шанс попасть на Олимпиаду выпадал лишь раз или два в жизни.

Колледж мог подождать. Я могу поступить в следующем году, после того как завоюю золотую медаль.

Парни? Они настолько основательно исчезли с моего радара, что я даже сомневалась, был ли у меня такой радар.

Я имела удовольствие расти рядом с двумя мужчинами — двумя сильными мужчинами, которые научили меня всему, что нужно знать про их пол: они были дикими, жестокими и отнимали слишком много времени. В моей жизни другим не было места.

— Не знаю, о ком ты, Джунсу. — Я шумно выдохнула, пока мы шли по узкому коридору стрелкового клуба. Он был весь увешан фотографиями нынешних и бывших лучников, которые прине-

сли клубу медали и славу. Я вдохнула навязчивый запах пота, кожаного снаряжения и легкой пудры. — Но, кто бы это ни был, мне он никем не приходится. — Я остановилась и почесала лоб, пытаясь найти этому объяснение. — Может, это Дориан Санчез. Мы учились в одной школе, и он умолял меня поговорить с мамой о том, чтобы она взяла его на работу.

Дориан был светловолосым и высоким, а еще единственным в классе, кто, так же как и я, не обеспечил себе место в хорошем колледже. В выпускном классе он купил себе закусную на колесах и продал ее перед выпускным, поэтому я знала, что ему нужны деньги.

Ага. Наверняка это Дориан.

— Что ж... — Джунсу указал раскрытой ладонью на входную дверь. — Этот парень слоняется снаружи. Я буду очень признателен, если он больше не станет так делать. У меня тут не Тиндер. — Он прямо-таки выплюнул последнее слово.

Прикусив нижнюю губу, чтобы подавить смешок, я кивнула с серьезным видом.

— Постараюсь впредь приглашать всех своих любовников прямо домой.

— Не смешно, — строго возразил он, округлив глаза.

— Нет, смешно. — Я бодрым шагом направилась к выходу и, обернувшись, подмигнула своему олимпийскому тренеру. — Потому что мы оба знаем, что это полная х...

— Никакой брани! — Он пригрозил мне указательным пальцем. — Правое плечо все еще беспокоит?

— Да, — отмахнулась я. — Честно говоря, оно меня совсем измучило.

Правое плечо беспокоило меня уже несколько недель, но каждый раз, когда я оказывалась на приеме у физиотерапевта, то делала вид, что все в порядке, чтобы он разрешил мне продолжить тренироваться. Джунсу очень строго относился к пропускам тренировок, а когда я жаловалась, он взглядом велел мне стойко терпеть.

Тренер кивнул.

— Это нормально. До завтра, Сейлор.

— До завтра.

Я вышла на стоянку и стала пробираться к своему практичному белому «Фольксвагену Гольф GTI». Летом в Бостоне стояла невыносимая жара, темные здания в колониальном и федералистском стиле были близки к тому, чтобы расплавиться и растечься лужей на бетоне. Клуб по стрельбе из лука располагался на тихой улочке возле Вест-Энда и достаточно далеко от квартиры моих родителей в центре города, так что ежедневные поездки туда и обратно отнимали у меня по пятьдесят минут.

Бросив снаряжение в багажник, я сунула наушники в уши и принялась напевать «Kill and Run» в исполнении Sia, как вдруг кто-то похлопал меня по плечу.

Я обернулась, удивившись, хотя Джунсу меня предупредил. На меня смотрело незнакомое лицо.

Если быть точнее, такое умопомрачительное, что сердце замерло на миг, а то и пять.

И это точно был не Дориан Санчез.

— Сейлор Бреннан? — прямо спросил мужчина (а никакой не мальчишка), окидывая меня

взглядом, будто я была девушкой по вызову, которой он только что открыл дверь и выяснил, что она не соответствует его стандартам.

Я почувствовала, как все мое тело напряглось, защищаясь, и тряхнула головой, избавляясь от странного влияния, которое оказывала на меня его внешность.

— Да. — Я запрокинула голову, чтобы получше его рассмотреть, а еще потому, что не могла точно понять, не возникнет ли необходимость ударить его головой.

В конце концов, этот парень был мне совершенно незнаком.

— Я могу чем-то помочь?

— Я Хантер Фитцпатрик. — Он указал на себя и одарил меня безупречной, хорошо отрететированной ухмылкой, демонстрировавшей зубы и ямочки на щеках в правильной пропорции.

Я захлопала глазами, дожидаясь пояснений.

— И?.. — нахмурилась я, когда стало очевидно, что его утверждение должно было послужить своего рода разъяснением.

Глаза незнакомца слегка расширились от удивления, но он быстро придал своему лицу прежнее апатичное выражение и прокашлялся.

— Мы можем где-то поговорить?

— Мы уже где-то говорим. — Я вынула наушники из ушей и сунула их в передний карман. — Вот прямо здесь. А если не скажешь мне, в чем дело, тогда, боюсь, мне придется развернуться, сесть в машину и уехать.

— К сожалению, в таком случае я буду вынужден преградить тебе проезд. — Он провел рукой

по своим локонам, и каждый золотистый волосок подчинился его жесту, словно пшеничное поле, колыхнувшееся под порывом ветра.

Избалованный мальчишка. Я устала в него в раздражении и замешательстве.

— Тогда, — осторожно протянула я, — увы, придется тебя пересечь. Так что давай избавим тебя от необходимости ехать в больницу, а меня — от лишних неудобств. Может, скажешь мне, зачем ты здесь? Ты втягиваешь меня в неприятности.

— Это еще какого хрена?

— Мой тренер решил, что ты мой любовник или что-то в этом роде.

— ТЖМ, а ну притормози. — Он разразился бесстыдным смехом, да еще, по сути, сократил до аббревиатуры фразу «твою ж мать». Потом бросил взгляд на мою несуществующую грудь.

На мне была облегающая кофта с длинными рукавами, лосины и старые кроссовки, которые, пожалуй, стоило заменить года три назад. Несмотря на все мои усилия, я почувствовала, как краснею от его пренебрежительного взгляда. Я знала, что далека от совершенства. Худощавая, с рыжими лохматыми волосами длиной до попы и россыпью веснушек всюду, где меня касалось солнце. По шкале от одного до десяти я выглядела в лучшем случае на шестерку. А Хантер выглядел на миллион.

— Я хотел обсудить с тобой одну мысль. — Он прислонился бедром к открытому багажнику моей машины.

Всем своим естеством он выражал праздность и снисходительность. Был полной противополож-

ностью моим брату и отцу. Он любил себя и был всецело уверен в своей привлекательности. Меня это отталкивало.

Впрочем, не могу сказать, что меня в нем изначально что-то привлекло.

— О чем? — Я переступила с ноги на ногу. Мои нервы были так напряжены, что трещали по швам. Парни никогда со мной не заговаривали, а те, что все же это делали, выглядели отнюдь не так, как он.

— О нас.

— Ты только что сказал, что нет никаких нас. Я хотела бы закрепить это утверждение. — Я достала ключи из спортивной сумки, захлопнула багажник и обошла машину.

Он поплелся следом, двигаясь с грацией тигра, что необычно для парня его размера. Он был очень высоким и очень подтянутым и, что раздражало больше всего, от него очень, очень приятно пахло. Смесью ароматов чистого белья, корицы и развращенного самца.

— Эй, погоди-ка минутку. Ты в самом деле не знаешь, кто я такой? — Он коснулся моего плеча, чтобы помешать мне сесть в машину, как только я открыла водительскую дверь.

Я посмотрела на его ладонь и вскинула бровь. Он немедленно ее убрал.

— Без рук, — сказала я.

— Ладно. Так что? Не знаешь? — Он всматривался в мое лицо, подняв брови чуть ли не до линии роста волос.

Я помотала головой.

— Не имею ни малейшего понятия. Мои соборезнования твоему эго.

— Х-а-н-т-е-р Ф-и-т-ц-п-а-т-р-и-к, — медленно протянул он, обращаясь со мной, как с первоклашкой, зубрившей буквы. — Ну, знаешь — «Королевские трубопроводы».

— Если это какой-то сексуальный намек, то мне придется врезать тебе коленом по яйцам, — сказала я будто невзначай.

Однако не чувствовала себя и вполовину такой спокойной, какой пыталась казаться. От одного только его присутствия в животе пробуждался трепет, а от волнения начинало тошнить.

— Не надо меня объективизировать, леди. — Он вытащил шапку с логотипом VLTN из заднего кармана дизайнерских джинсов, нахлобучил ее на голову, закрыл глаза и сник.

Эта вещица стоила четыреста баксов. Я знала об этом, потому что купила нечто подобное Бель на день рождения. Но это был совместный подарок, на который скинулись ее родители, сестра и кузен. Да кто такой этот парень?

— Я из четвертой богатейшей семьи в стране. — Он надулся, выглядывая из-под края шапки, отчего приобрел нелепый, но в то же время очаровательно ребячливый вид.

— Повезло тебе. Есть ли еще какие-то бессмысленные подробности о твоей жизни, которыми ты хотел бы поделиться, пока я не уехала? Любимый цвет? Может, расскажешь, в каком возрасте у тебя выпал первый молочный зуб? — размышляла я.

Но теперь, когда он снова назвал свое имя, меня осенило, и я поняла, почему он был так удивлен, что я его не узнала — главным образом потому, что все остальные в этом городе знали.

Хантер Фитцпатрик был несправедливо, бесспорно, неотразимо великолепен. Прямо-таки поразительно. До такой степени, что я стала болезненно его воспринимать, просто потому, что такие красивые мужчины не заслуживают доверия.

Позвольте внести поправку: вообще все мужчины не заслуживают доверия. Просто симпатичные — особенно гнусные. Этот урок я усвоила еще в старшей школе, хотя его не было в программе.

В Бостоне ходили слухи, что родители отправили Хантера в Тодос-Сантос, штат Калифорния, четыре года назад после того, как его выгнали из британской школы. Тем самым они пытались заставить его взяться за ум, поселив сына с читавшими Библию дядей и тетей, или хотя бы держать его подальше от прессы восточного побережья. Последняя не давала покоя семье Фитцпатрик, и в частности Хантеру, поскольку он обладал примечательной способностью вести себя как идиот. Собственно говоря, в особенности мне вспомнился один заголовок, в котором его называли «Великий Гробли», после того как одна из его вечеринок у бассейна закончилась тем, что два человека сломали себе конечности, пытаясь прыгнуть с крыши в бассейн.

Даже из Калифорнии пройдоха Фитцпатрик умудрился попасть в заголовки. Если верить сплетням, его сексуальные победы исчислялись уже в трехзначных цифрах, а если бы ангелы обретали свои крылья каждый раз, когда Хантер заводил интрижку, то небеса были бы настолько переполнены, что им пришлось бы на перспективу строить новые отделы в аду.

Волосы Хантера были приглушенного золотистого цвета и вились ангельскими завитками возле ушей, на висках и у основания шеи, подчеркивая его красоту, от которой замирало сердце. Его глаза были узкими, почти раскосыми, а радужка — ослепительно светлой, серого и приглушенного голубого цвета с золотистыми крапинками. Высокие скулы, квадратная челюсть и пухлые губы придавали ему изящность угрюмого, избалованного принца. Его нос был прямым и узким, брови густыми и мужественными, а кожа покрыта здоровым, сияющий загаром мужчины, побывавшего в лучших уголках света.

Тело Хантера обсуждалось не меньше, чем его выходки. Пока учился в Великобритании, он играл в поло и продолжил заниматься им в частном порядке после того, как его выгнали и он вернулся в Калифорнию. Он был худощавым, мускулистым и невероятно высоким для игрока в поло. По слухам, у него был завидный пресс и член размером с Эйфелеву башню.

Словом, он так и сулил неприятности, причем такие, на которые у меня не было времени.

— У меня есть к тебе предложение. — Он задрал нос.

Господи, он был настолько высокомерным, что мне хотелось блевануть на его кроссовки модели Jungle от бренда Fear of God (девятьсот девяносто пять долларов за пару, как однажды сказала мне Эммабель, а значит, он уже был потенциальной жертвой, которая так и напрашивалась, чтобы ее обокрали).

— Ответ отрицательный.

— Какой бессистемный образ мышления. Ты же еще даже не выслушала.

Я подняла ладонь, вежливо улыбаясь.

— Основываясь на одной только твоей репутации, вкупе с тем обстоятельством, что мы стоим здесь уже десять минут, а ты так и не перешел к сути, я могу сделать вывод, что мы с тобой другу другу не подходим. Ни в чем.

— Мне нужно, чтобы ты полгода жила вместе со мной. Но, типа, в нереально крутой квартире в центре города. Просто отпадной берлоге.

Он в корне проигнорировал мой отказ. Более того, говорил так, будто делал мне одолжение. Да, мои родители не входили в список богатейших людей страны, континента или внеземного пространства, но они очень хорошо зарабатывали. Да и вообще, я выросла в роскоши. Но, как и моя мама, я отвергала убеждение о том, что деньги приносят счастье. Я выяснила, что зачастую верно обратное.

— Ух ты! — радостно воскликнула я. — Что ж, в таком случае, ответ все равно отрицательный.

— Подожди! У меня есть кое-что, чего ты хочешь. — Ему хватило наглости захлопнуть водительскую дверь у меня за спиной и упереться руками по обеим сторонам от моих плеч, заключая меня в ловушку.

Я ошарашенно уставилась на него. Он под кайфом, что ли?

— Что? — рявкнула я, мечтая, чтобы кто-нибудь вышел из клуба, увидел нас и пустил стрелу ему в череп.

А другая часть меня, крохотная частичка, наслаждалась вниманием, которое мне оказывал

этот прекрасный представитель мужского пола. Я мысленно отметила, что нужно утопить эту часть в ванне, когда вернусь домой.

— Мой отец говорит, что если ты согласишься на сделку, то он готов спонсировать тебя вплоть до участия в Олимпиаде. Сказал, что прославит твое имя на всю Америку и сделает тебя любимицей Бостона. Я имею в виду рекламу, работу с лучшим спортивным агентом штатов, контракт на написанные книги. Ты прославишься, детка.

Он одарил меня очередной ухмылкой, демонстрирующей зубы и ямочки на щеках.

— Я ничего такого не хочу. Я хочу лишь заниматься любимым делом.

— Это мило, но я знаю, что Лана Альдер из Нью-Мексико дышит тебе в затылок в плане стрельбы из лука и может занять твое место в команде. А еще у нее до хрена рекламных кампаний и контрактов на съемки в кино, так что, возможно, ты захочешь пересмотреть свой категоричный отказ.

— А ты хорошо подготовился, — угрюмо ответила я. Лана была для меня большой темой. От одного только упоминания ее имени у меня мурашки бежали по коже.

— В первый и последний раз. — Он пошевелил бровями.

Я прикусила кончик большого пальца. Он прав. Альдер — моя главная соперница, и, к сожалению, она была столь же красива, сколь и талантлива. Через пять месяцев она прилетит в Бостон, чтобы мы могли тренироваться вместе с Джунсу, но уже получила больше внимания прессы в моем городе, чем я собираю за целый год.

Я помотала головой.

— Нет.

— Уверена? Одна квартира, отдельные комнаты. Мои родители просто хотят, чтобы ты за мной приглядела.

— Зачем? — Мои глаза вспыхнули от раздражения. — Почему я? Почему не какая-нибудь расположенная к этому девушка? Уверена, тебе есть из кого выбрать.

— Именно поэтому. Ты не расположена. Говорят, что тебя невозможно ни уговорить, ни соблазнить — ты неподкупна. Ты благонадежна и знаешь, что такое ответственность.

— Гм, спасибо.

— Господи боже, женщина, это вовсе не комплимент, — рассмеялся он.

Я нахмурилась.

— Что ж, жаль разочаровывать твоих родителей, но ответ все равно отрицательный.

— Ну серьезно? — простонал он, когда я оттолкнула его руки, снова открыла дверь и села в машину, пока не успела обдумать его безумную затею. — Мой отец знает твоего отца и вкратце ему обо всем рассказал. Похоже, он в восторге от этой затеи. Спроси у него. Па может сделать тебе карьеру. Если тебе так важна стрельба из лука, сделай самой себе одолжение и соглашайся, блин.

— Мой отец тоже влиятельный человек, — сказала я, сама не веря, что несу. Неужели дебилизм заразен?

— Твой отец может повлиять на количество убитых в Бостоне, но едва ли его можно назвать публичной персоной. А вот мой старик пожертво-

вал несколько миллионов на строительство стадиона для «Патриотов». Тебе нужны связи, Сейлор. Позволь мне помочь.

Я завела двигатель с открытой дверью, полностью устроившись в кресле и сжимая руль так сильно, что почувствовала, как немеют пальцы.

— Ты просто должна следить за тем, чтобы я был трезв и практиковал воздержание. Вот и все.

Я в потрясении посмотрела на него.

— Быть твоей нянькой, что ли?

Он пожал плечами.

— Я уже полностью приучен к горшку и не просыпаюсь по ночам, а иногда и до позднего утра или даже после полудня. А еще могу приготовить охрененный омлет.

— Ты можешь перестать использовать слово «хрен» в качестве прилагательных, глаголов, наречий и существительных? — спросила я, скорее размышляя вслух.

— Перестану, если ты согласишься на мое исключительное предложение. — Он нажал на кнопку и опустил стекло, чтобы мы могли продолжить разговор, за миг до того, как я захлопнула дверь у него перед носом.

Хорошие инстинкты.

— Безумие какое-то, — пробормотала я.

— Буду расценивать это как положительный ответ. — Он с улыбкой хлопнул по оконной раме.

Джунсу прикончит меня, если когда-нибудь узнает об этой сделке. Он сказал, что стрельба из лука — уважаемый вид искусства, а не шоу на канале «Дисней», которое требует, чтобы я выступала на пресс-конференциях (хотя он все равно ни-

когда об этом не узнает). По его мнению, это считалось жульничеством. Но я уступала Лане Альдер и понимала, что она может разрушить мою мечту об Олимпиаде, причем с превеликим удовольствием.

В любом случае папа убьет Хантера Фитцпатрика, если он доставит мне неприятности. А мой брат Сэм избавится от тела. Вот в чем прелесть родиться в семье бандитов.

Похоже, дело несложное. Мне нужно, чтобы меня продвигал крупный спонсор. Об этом мне без устали твердили все, кроме Джунсу. Моя проблема заключалась не в недостатке навыков или таланта, а в том, что я была слишком застенчивой и тихой, чтобы привлекать к себе внимание.

Но все же я ничего не сказала.

Хантер согнул колени и сложил ладони вместе.

— Помоги парню, старина. Даю слово, я не говнюк. То есть хорошим парнем я бы себя, конечно, не назвал, но я безобидный. На кону мое наследство. Я просто хочу, чтобы мы оба пережили это непростое время. Клянусь.

Он казался искренним. Да и потом, в чем тут может быть сложность? Он был добровольным участником этой странной сделки. К тому же я уже давно хотела съехать от родителей. Они беспрестанно доставали меня по поводу моей личной жизни, а точнее ее отсутствия.

— Насколько там большая квартира? — простонала я, чувствуя, как решимость ускользает от меня, словно песок сквозь пальцы.

— Три спальни, площадь около двухсот квадратных метров. Небоскреб. В нескольких мину-

тах ходьбы отсюда. Можешь занять свободную спальню под свое снаряжение.

— Ух ты, — выпалила я. Это явно лучше, чем квартиры-студии, которые я присматривала, чтобы сбежать от постоянного ворчания родителей о том, что мне нужно показать себя.

— А еще там будет личный шеф-повар. Я пошутил насчет омлета, я с трудом могу открыть банку пасты в форме букв алфавита. А еще можешь приводить туда своих друзей и ухажеров с Bumble¹ или кого еще захочешь. Я прекрасный помощник на свиданиях, Сейлор. Подам презерватив и вызову такси, чтобы поскорее их выпроводить, когда закончите, чтобы ты могла принять душ и поспать, не изображая из себя радушную хозяйку.

— Ты отвратителен.

— Почему? Буду заказывать им сервис класса люкс через свое приложение. Даже рискну обрушить себе рейтинг, который у меня, к слову, четыре и восемьдесят девять, потому что такой уж я — бескорыстный, надежный парень.

— А разве ты не привлекался к общественным работам за непристойное поведение в публичных местах, после того как пробежал по улице совершенно голым? — Я нахмурилась, вспоминая статью.

— То было год назад, — отмахнулся он. — Теперь я другой человек.

Я совершала ошибку. Знала об этом, когда принимала решение.

¹ Американское приложение для онлайн-знакомств.

Но победу в этой битве одержало мое стремление добиться успеха.

— Тогда в чем загвоздка? — Я посмотрела на него с прищуром. — Раз тебе нужна нянька, значит, тому есть причина.

— Самоконтроль, — ответил он.

— То есть?

— Если говорить прямо: у меня его вообще нет. Просто представь, что я, как Бэмби — до х... милый, но безумно тупой и нуждаюсь в постоянном надзоре.

Он сказал только «до х». К тому же сам назвал себя глупым. Мне даже стало немного грустно за него, пока я не вспомнила, кто он такой.

— Несколько основных правил. — Я откинулась на спинку водительского кресла, так и не выключив двигатель.

Пронзительные, словно алмазы, глаза Хантера заблестели, когда он понял, что я сдалась.

— Что угодно.

— Первое: как ты и сказал, мы будем жить в отдельных комнатах.

— Настолько отдельных, что объединять их будет только почтовый индекс.

— Второе: никаких наркотиков, выпивки или девушек в квартире. Я не стану халтурить, и подкупить меня нельзя, если ты вдруг затеешь какие-нибудь выкрутасы.

— Никаких выкрутасов. — Он упер локти в край открытого окна и наполовину влез в салон, напрочь игнорируя мое личное пространство, словно нетерпеливый лабрадор. — Что еще?

— Не заигрывай со мной.

— Договорились, — ответил он как-то слишком уж быстро и поднял руку, будто давал клятву бойскаута. — Быстро же ты составила обо мне мнение.

— Твоя репутация бежит впереди тебя.

— Как и некий орган.

Я подняла руку в знак предостережения.

— Видишь? Об этом я и говорю. Тебе придется завязывать с шуточками, потому что необходимость иметь дело с твоим помойным ртом не входит в компетенции няньки.

— Ладно. Никаких сексуальных намеков. Я могу сказать отцу, что все в силе?

Все происходило слишком быстро. Я даже не успела толком осознать, что Хантер был здесь, не говоря уже о том, на что я соглашалась. Но что-то подсказывало мне: это знак, о котором я сегодня молила. Этот легкомысленный, распущенный парень — мой талисман. Он приведет меня к Олимпиаде в Таллине в следующем году.

К тому же Перси и Белль впадут в оргазмический припадок, когда узнают, что я буду жить вместе с Хантером Фитцпатриком.

Нельзя сказать, что я нарушала свое правило «никаких парней» до окончания Олимпиады.

Хантер — парень, но он мне совсем не подходит. Я не рискую влюбиться в него и утратить концентрацию.

Он схватил мою руку и комично ее пожал. Я заметила, что его ладонь была мягче моей. Наверное, это единственное, что было в нем без изъяна.

— Можно мне тоже установить одно правило? — спросил он.

КРАСАВИЦЫ БОСТОНА. ОХОТНИК

— Нет, — категорично ответила я, а потом вздохнула. — Ладно, какое?

— Не гугли меня.

— Почему? — И почему он до сих пор пожимает мне руку? И почему, почему, почему я не вырываю ее из его руки?

— Потому что.

«Проще простого, — сказала я самой себе. — Все равно что жить с очень красивой, но бесполезной картинкой».

